

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	6
Предисловие	10

Часть I. Анамнез

Введение	24
1. Воспаление памяти	26
2. Террор на службе государства: 1917–1953	35
3. Память о ГУЛАГе в СССР и постсоветской России	49
4. Примирение сверху: равновесие без вины и ответственности	81
5. Примирение снизу: возвращение имен	95
6. Старый фундамент	112

Часть II. Анализ

Введение	126
1. Аргентина, или Матери и бабушки против диктатуры	131
2. Испания, или Преодоление молчания	159
3. ЮАР, или Прощение вместо правосудия	188
4. Польша, или Бремя жертвы	217
5. Германия, или От вины к ответственности	255
6. Япония, или Балансирующая память	308

Часть III. Синтез

Введение	338
1. Know your enemy	339
2. Подведение черты под прошлым: отделить, чтобы принять	345
3. Очищение крови	367
<i>Приложение. Психология принятия прошлого семьи и прошлого страны</i>	<i>405</i>
4. Работа принятия	411
5. Торг о правде	472
6. Инфраструктура «прорыва памяти»	523
Заключение	541
Избранная литература	545
Список иллюстраций	559
Именной указатель	564

ПРЕДИСЛОВИЕ. НИКОГДА/СНОВА

Слова, вынесенные в заголовок этого предисловия, имеют богатую событиями историю. Она хорошо демонстрирует, что работа с памятью — процесс динамический и нелинейный. Фраза, впервые ставшая широко известной из радиолекции Теодора Адорно и изначально обращенная к учителям и интеллектуалам («Невозможность повторения Аушвица должна быть главным требованием для всякого образования»¹), спустя несколько лет преобразовалась в формулу, запечатленную на пяти языках в мемориале, установленном в 1968 году в Дахау.

Это был призыв помнить, этический императив. Вскоре после этого формулу «Никогда снова» сделал своим девизом бруклинский раввин Мейр Кахане, основатель «Лиги защиты евреев». В его случае это был призыв к активному действию. Деятельность Лиги, которую многие считали радикальной и экстремистской, распространилась с защиты еврейского населения Бруклина от антисемитски настроенных жителей негритянских и латиноамериканских кварталов на активное противодействие антисемитизму во всем мире.

В 1984 году эта же формула становится названием отчета аргентинской комиссии правды и примирения, а в 1985-м — бразильской книги, описывающей преступления времен диктатуры 1964–1979 годов. В 1992 году слова «Никогда снова» озаглавили сборник свидетельств о преступлениях военной диктатуры 1972–1985 годов в Уругвае, а в 1998-м — отчет о преступлениях в годы гражданской войны в Гватемале.

¹ «Die Forderung, daß Auschwitz nicht noch einmal sei, ist die allererste an Erziehung». *Adorno Th. W. Erziehung nach Auschwitz* (1966) // *Erziehung zur Mündigkeit, Vorträge und Gespräche mit Hellmuth Becker 1959–1969*. Herausgegeben von Gerd Kadelbach. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1970. S. 92–109.

Тем самым эта формула стала связываться с набором юридических мер правосудия переходного периода.

С начала 2000-х слова «никогда снова» окончательно приобретают глобальное значение. Теперь они чаще встречаются не в заголовках работ политологов, юристов и историков, а в названиях композиций современных исполнителей, работ современных художников или в граффити на стенах зданий с «трудной историей».

Динамичность и нелинейность работы с памятью проявляется не только в постоянной подвижности, «текучести» анализируемых категорий. В отличие от исторических штудий, разговор о памяти предполагает постоянное балансирование между индивидуальным и коллективным, психологическим и социальным, философским (или культурологическим) и юридическим. То, что кажется понятным и очевидным в одной перспективе, далеко не всегда остается таковым в другой.

Одним из импульсов к написанию этой книги стала необходимость разрешить недоумение глубоко личного характера. Два десятка лет тому назад на поминках по моему отцу за одним столом в первый и последний раз встретились две ветви моей семьи: бабушка по матери, ветеран Финской и Великой Отечественной войн, сталинист, а в последние годы жизни — еще и православный верующий, и троюродная бабушка по отцу — ученый-химик, муж которой, известный физик-ядерщик, в годы Большого террора чудом избежал лагеря. В какой-то момент речь зашла о репрессиях, и вдруг оказалось, что эти два человека прожили свои жизни в странах с разным прошлым. Для одного репрессии были мифом и «поклепом», для другой — ежедневной реальностью. Абстрактно невыносимая вещь оказалась осязаемым фактом: объективной реальности прошлого не существует. Ее формирует память, а память необъективна и легко позволяет себя обмануть. Память, разделенная даже

на уровне одной семьи, — результат молчания о прошлом, отсутствия возможности и желания искать общий язык для разговора о нем.

Такая неопределенность прошлого, в свою очередь, формирует настоящее. Замороженная и «непредсказуемая» история страны с двоящейся памятью оборачивается двоящейся реальностью в настоящем. Это чревато в лучшем случае невозможностью двигаться вперед, а в худшем — открытым конфликтом¹.

В России немало таких, как мой дедушка. В опросах, выясняющих отношение к Сталину и репрессиям, поразительнее всего даже не масштабы сочувствия тирану, а доля респондентов, считающих, что «массовых репрессий не было». В 2014 году, по данным ФОМ, таких было 16%, а еще 18% затруднились с ответом (может, были, может — нет, кто знает)².

Это кажется невероятным: позиции опрошенных расходятся в ответ на вопрос не об отношении к событиям прошлого, а о самом их факте: было или не было. Различаются не только и не столько оценки прошлого, сколько само восприятие реальности. По сути, люди, по-разному ответившие на этот вопрос, живут в странах с разной историей или даже в разных странах, очертания которых на карте совпадают лишь в силу какой-то ошибки.

Может показаться привлекательной попытка объяснить расхождение представлений о прошлом «шизофренией». Но она ничего не дает, если за этим словом стоит оценочное высказывание. Другое дело, если попытаться увидеть в нем не эмоциональную оценку, а попытку трезвого «диагноза»: память о советском государственном терроре действительно

¹ Это одна из сквозных мыслей, например, для авторов исторической части доклада «Какое прошлое нужно будущему России», опубликованного Вольным историческим обществом по заказу Комитета гражданских инициатив в начале 2017 года.

² Массовые репрессии в СССР // ФОМ. 2014. 29 октября. <https://fom.ru/Proshloe/11786>.

характеризуется поразительной двойственностью. И это, с учетом прошлого страны, во многом закономерно.

«Политические репрессии» — смягчающее обозначение государственного террора, возникшее в годы «борьбы с культом личности». Формально они были осуждены еще в 1956 году, и большинство руководителей государства, начиная с Хрущева, подтверждали это осуждение. С середины 1950-х идет и процесс реабилитации репрессированных. Не так давно была принята концепция государственной политики по увековечиванию памяти жертв политических репрессий, в двух с половиной километрах от Кремля им установлен мемориал.

С другой стороны, далеко не все архивы открыты для исследователей и даже для родственников жертв. Сохранением памяти о них занимаются главным образом негосударственные организации и гражданские активисты, причем некоторые из них открыто преследуются государством. А околোগосударственные организации, призванные заботиться о сохранении культурного наследия России, вместо поиска братских могил жертв советского террора и сохранения памяти о них ставят на местах массовых захоронений стенды с информацией, что расстрелянные и сами небезгрешны (как в мемориальном комплексе Медное под Тверью, месте казни нескольких тысяч польских военнопленных), или пытаются представить расстрельные полигоны НКВД кладбищами советских солдат, расстрелянных войсками неприятеля (как в карельском Сандармохе)¹.

Проблема в том, что невозможно признать свою ответственность за уничтожение миллионов людей «отчасти» или «наполовину». Строго говоря, такое признание означает нечто прямо противоположное. Но именно в этой невозможной,

¹ Об этом см., напр.: *Klimenko E. The Politics of Oblivion and the Practices of Remembrance. Repression, Collective Memory and Nation-Building in Post-Soviet Russia // Historical Memory of Central and East European Communism / Ed. by A. Mrozik, S. Holubec. New York: Routledge, 2018. P. 141–162.*

парадоксально-абсурдной ситуации пребывает подавляющее большинство тех, кто населяет просторы России. Эта двойственность сродни той, что царила за семейным столом на поминках по моему отцу. В каком-то смысле она родная для меня и для миллионов тех, чей опыт сходен с моим.

* * *

Но дело не только в этом. Преступления, в которых виноваты не внешние силы, а твое собственное государство, неслучайно принято именовать «трудным прошлым». Признать собственную ответственность, не перекладывая ее на внешних или внутренних врагов, время и обстоятельства, — невероятно трудно. Это трудно психологически, политически и юридически. Только на первый взгляд кажется, что примеров добровольного переосмысления прошлого много, а Россия — единственная в мире страна, которая никак не может справиться со своим прошлым. Пожалуй, полноценные примеры такого рода — лишь признания бывших метрополий в притеснении колоний и признание ответственности США перед американскими индейцами. Когда речь идет о непосредственных преемниках преступников и о живой политической реальности (как в случае ответственности Турции за геноцид армян), признание ответственности дается крайне тяжело.

Моральные соображения никогда или почти никогда не оказываются решающими при осуждении масштабных преступлений прошлого. Редкое исключение — ситуация, когда такие соображения становятся ресурсом для запуска процессов, к которым подталкивают экономическая или внешнеполитическая конъюнктура, когда осуждение прошлого нужно для легитимации тех или иных политических сил внутри страны.

Так, выплаты правительством ФРГ компенсаций Израилю в 1951–1965 годах, беспрецедентный акт признания ответ-

ственности за преступления нацистов, во-первых, были выгодны Германии, потому что позволяли вернуть доверие к себе как к надежному и кредитоспособному партнеру на международной арене и интегрироваться в глобальную экономику, во-вторых, производились параллельно с обратной по сути политикой интеграции бывших нацистов внутри страны, в-третьих, были способом представить себя в крайне выгодном свете в условиях идеологической и политической конкуренции с ГДР.

Похожей была и механика извинений Японии перед азиатскими соседями и выплаты им компенсаций ради налаживания экономического партнерства или извинений президента Польши за еврейские погромы в годы интеграции страны в ЕС. Это не означает, что такие примеры признания ответственности за трудное прошлое ущербны и неполноценны. Важно, что они всегда вплетены в политическую и экономическую прагматику.

Помнить о жертвах и страдании вообще труднее, чем о героях и победах. Даже ставшая модельной история формирования памяти о Холокосте поначалу буксовала и испытывала сопротивление со стороны — сегодня в это трудно поверить — общественного мнения и властей государства Израиль. Когда вскоре после окончания войны знаменитый охотник на нацистских преступников Симон Визенталь обратился к израильским властям с предложением организовать торжественные похороны останков 200 тысяч евреев, убитых в годы Холокоста, израильские чиновники несколько месяцев его «футболили». Отношение израильских евреев к тем, кто остался в Европе, было весьма непростым, а власти страны предпочитали героические символы символам поражения и унижения. В итоге прах 200 тысяч жертв нацизма был похоронен только после того, как из Вены привезли останки основателя сионизма Теодора Герцля. Да что там, даже решение о похищении Адольфа Эйхмана — шаг, ставший переломным

для придания памяти о Холокосте международного масштаба — было принято после 7 лет проволочек и только тогда, когда у него появился политический интерес¹. И снова: это не значит, что сделанное каким-то образом отклоняется от «нормы». Дело в другом: само понятие нормы в случае *трудной памяти* крайне проблематично.

Не менее проблематично и понятие успеха в деле расчета с трудным прошлым и его «преодоления». Россия — яркий пример того, как страна долгие годы не может подвести под своим прошлым черту. Но является ли обратным примером, скажем, Польша, вроде бы благополучно перешедшая от коммунистической диктатуры к полноправному членству в Европейском союзе? Можно ли считать успешным переход ЮАР от белой диктатуры к демократии? Из страны массово бежало белое население, уровень неравенства вырос, а уровень преступности, хоть и значительно снизившись по сравнению с серединой 1990-х, остается высоким. С другой стороны, ЮАР стояла на грани гражданской войны, и ей удалось эту грань не переступить, а по сравнению с соседями доля белого населения в ЮАР и сейчас весьма высока.

Даже хрестоматийно образцовый пример Германии нельзя считать безусловным успехом. Новое поколение немцев часто не понимает разговоров об ответственности за далекое от них прошлое, а неонацистская идеология и сейчас пользуется в Германии некоторой популярностью. Успехи в преодолении трудного прошлого сродни успехам в лечении онкологического заболевания. Болезнь остается неизлечимой, но каждая маленькая победа в борьбе за жизнь — это

¹ О захоронении праха европейских евреев в Израиле по инициативе Симона Визенталя см.: *Segev T.* Симон Визенталь: Жизнь и легенды / Пер. с иврита Б. Борухова. М.: Текст, 2014. С. 8–14. О поимке Адольфа Эйхмана см.: *Cesarani D.* Eichmann: His Life and Crimes. London: Vintage, 2005; *Bascomb N.* Hunting Eichmann: How a Band of Survivors and a Young Spy Agency Chased Down the World's Most Notorious Nazi. Boston; New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2009.

преодоление невозможного, и в этом смысле безусловный успех.

Этическое и юридическое «никогда» в действительности постоянно балансирует на грани «снова» или даже «можем повторить». Так что хрестоматийную формулу Адорно давно пора начать писать через косую черту. Заниматься переосмыслением прошлого, не отчаиваясь и не питая излишних иллюзий, можно только отдавая себе полный отчет в том, насколько мучительно сложен этот процесс.

* * *

Обилие примеров, взятых из опыта других стран, проделавших или все еще проделывающих работу по переосмыслению своего «трудного прошлого», которым оказывается окружен исследователь этой темы, определили методологию этой книги. Сравнительный подход при разговоре о преодолении советского преступного прошлого разработан на удивление мало. В российской историографии и социологии тема истории репрессий и памяти о них исследуется почти исключительно на материале советском, постсоветском и российском. Едва ли не единственное исключение — получивший благодаря этому широкую известность среди специалистов сборник «Историческая политика в XXI веке» под редакцией Алексея Миллера и Марии Липман¹.

В публичной сфере разговор о трудном прошлом тоже ведется так, как будто Россия уникальна в своем положении государства и общества, нуждающихся в том, чтобы это прошлое оценить, осудить и преодолеть, но в то же время не способных побороть объективно существующие на этом пути препятствия. Единственным предметом сравнения или сопоставления оказывается опыт Германии по преодолению

¹ Историческая политика в XXI веке / Науч. ред. А. Миллер, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

нацистского прошлого. Но ситуация Германии не только неприменима к СССР и России — она в принципе уникальна на фоне международного опыта.

Поэтому представляется очень важным сопоставление российской ситуации с опытом других стран и попытка выработать общие принципы работы с прошлым, применимые к российскому опыту. Сравнительный подход, проводимый хоть сколько-нибудь последовательно и систематически, помогает по-новому увидеть известные факты и обстоятельства. Например, становится понятно, что опыт Германии используется в России скорее в качестве мифа, чем реального практического образца¹.

Сравнительный подход позволяет иначе высветить и тему компромиссов в работе с прошлым. Становится понятно, что истории перехода от диктатуры к постдиктатуре почти всегда полны компромиссов. Возможность «договориться» о прошлом почти всегда похожа на торг, в котором приходится чем-то жертвовать, а случаи безусловного торжества правды политическая реальность допускает крайне редко. Та «правда», которую выявляют комиссии правды и примирения, почти всегда полна компромиссов. И чем более договаривающиеся стороны готовы к компромиссу, тем эта модель успешнее.

Вне сравнительной перспективы разговор о *прагматике* преодоления прошлого, о выгоде этого процесса для сторон обычно разделенного общества и государства может показаться недопустимо циничным. Ведь речь во всех таких случаях идет о человеческих жизнях. Но сравнительная перспектива проясняет, что понимание прагматики необходимо, и это как раз понижает, а не повышает уровень цинизма. В 2000 году американский политолог Элазар Баркан опубликовал книгу

¹ *Gabowitsch M. Foils and Mirrors: The Soviet Intelligentsia and German Atonement // Replicating Atonement: Foreign Models in the Commemoration of Atrocities / Ed. by M. Gabowitsch. Palgrave Macmillan, 2017. P. 267–302.*

«Вина народов»¹, в которой доказывает, что *торг* (*negotiation*), переговоры о компенсациях жертвам государственных преступлений, — это важнейший инструмент работы над прошлым. В процессе переговоров о компенсациях жертвы обретают социальную и политическую субъектность, осознают себя как общность и общественно-политическую силу. Такой разговор позволяет подойти к моральной проблеме политически и прагматически: сделать ситуацию более инструментальной. Наконец, прагматический подход оказывается невероятно действенным. Ведь подобные процессы движутся не абстрактным сознанием того, что справедливость должна восторжествовать, а взаимным интересом сторон. Именно смена рамки с идеологической на прагматическую позволяет сторонам перейти от открытого конфликта и взаимной ненависти к желанию договориться и поиску точек пересечения.

* * *

Структура этой книги определяется соединением сравнительного метода с задачей формулировки основных стратегий работы с прошлым для России.

Первая часть посвящена описанию ситуации захваченности России памятью о советском прошлом. Введением служит анализ того, как реанимация «сталинского комплекса» в середине 2010-х спровоцировала «бум памяти», происходящий в России в последние годы (глава 1). Для понимания того, где находится этот разговор и связанные с ним процессы сейчас, необходим краткий экскурс в историю собственно травматического события (глава 2), рассказ о десталинизации — советской и постсоветской (глава 3), обзор стратегий работы с советским прошлым, существующих в сегодняшней России (главы 4–5) и оценка его влияния на современность (глава 6).

¹ *Barkan E. The Guilt of Nations. Restitution and Negotiating Historical Injustices. London: W. W. Norton & Company, 2000.*

Вторая часть — описание сценариев работы с трудным прошлым в шести странах. Выбор каждой из них не случаен. Аргентина (глава 1) — пример страны, где разбирательство с наследием диктатуры проходило при крайне незначительном участии внешних сил. Важно и то, что аргентинский опыт близок ряду других латиноамериканских государств (Бразилия, Чили, Мексика, Сальвадор и т. д.). Испания (глава 2) с ее длившимся десятилетиями пактом молчания о насилиии сторонников генерала Франко и последующим прорывом этого молчания напоминает реальность современной России больше, чем какой-либо другой пример. ЮАР (глава 3) — пример страны, буквально разделенной надвое, но сумевшей, пусть с множеством огрехов, это разделение преодолеть, выработав по-своему уникальную идеологию прощения и примирения. Польша (глава 4) — пример посткоммунистического государства, важной политической и психологической близостью к российской ситуации, а также тем, что очень ярко раскрывает механику и слабые стороны психологии жертвы как способа работы с прошлым. Без рассмотрения примера Германии (глава 5) невозможен никакой полноценный анализ проработки прошлого. Для России трудности и неудачи германской модели важны более, чем успехи, в такого рода процессах всегда относительные. Япония (глава 6) — пример страны, предельно далекой от России культурно и психологически; в то же время колебание между отторжением вины и ее признанием в случае Японии во многом напоминает Россию. Это дополнительное свидетельство того, что «собратьям по проработке прошлого» есть чем поделиться друг с другом.

В третьей части рассматривается, как и чем опыт рассмотренных стран и иностранный опыт вообще может помочь в нахождении сценариев проработки прошлого для России. В главе 1 работа с прошлым ставится в важный для ее адекватного анализа контекст механизмов перехода от диктатуры

к демократии. Элементами этого сценария должны стать подведение черты под прошлым (глава 2), работа с семейной памятью как модель для аналогичных процессов в общенациональном масштабе (глава 3), принятие ответственности за прошлое, включающее осуждение его темных страниц и благодарение за светлые (глава 4), определение условий для создания аналога российской комиссии правды и примирения (глава 5) и разработка инфраструктуры, необходимой для запуска этой работы (глава 6).

* * *

Основная практическая задача этой книги — снабдить тех, кто осознает важность проработки советского прошлого, опытом стран, которые уже проходили подобный путь, преодолевая во многом схожие препятствия. Активисты организаций, работающих в сфере исторической памяти, часто не подозревают о важнейших иностранных аналогах своей работы. Те, кто занимается поиском и идентификацией захоронений жертв советского террора, не знают о разворачивающейся с 2000 года в Испании масштабной работе по поиску останков жертв гражданской войны. Социологи, исследующие возможность диалога между носителями различных нарративов о советском терроре, не привлекают материалов, связанных с работой многочисленных комиссий правды и примирения в разных странах. Правозащитники, как правило, не слышали об аргентинской практике «судов правды» и карнавализованных глумлениях над неосужденными преступниками, а ведь это могло бы сильно помочь им в их работе. Политологи и специалисты по правосудию переходного периода часто не подозревают, что многие работы, которые они знают и используют в качестве теоретических пособий (например, упомянутая книга Элазара Баркана), могут быть применены к российскому материалу.

Более амбициозная задача этой книги — привлечь как можно большее внимание к созданию института проработки прошлого в России. Кто-то скажет, что в условиях современной России это не представляется возможным, ставить следует реалистичные задачи, а подобные проекты — идеализм и прекраснотушние. В ответ можно вспомнить один из лозунгов парижского 1968 года, который многое определил в политической и идеологической реальности современного мира: «Будьте реалистами — требуйте невозможного!»

Сегодня Россия находится на пороге «прорыва памяти». Так, применительно к истории Чили американский политолог Александр Уайлд назвал ситуацию, когда количество мемориальных инициатив переходит в качество и провоцирует серьезный сдвиг в обществе¹. Одним из важнейших сдвигов, возможных в этих условиях, может стать солидаризация усилий всех общественных сил, заинтересованных в полноценной проработке советского прошлого. В книге «Длинная тень прошлого» Алейда Ассман упоминает «эффект домкрата» — ситуацию, когда институционализация памяти позволяет аккумулировать опыт, быстрее обобщать его, поднимать на новый уровень разделяемое многими по отдельности знание, делая его публичным и социально значимым². Институт проработки прошлого как организованная совокупность инициатив по исследованию, публикации и осуждению свидетельств террора давно назрел в России.

Москва, 2019

¹ Подробнее см. об этом в главе об Испании: часть II, глава 2.

² Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 150.